Люси Штоллер

БЕССМЕРТИЕ, КОТОРОМУ НЕ ПОМЕШАЕТ ДАЖЕ УТКОНОС

МОЯ ПОВЕСТЬ

Люси Штоллер

Бессмертие, которому не помешает даже утконос. Моя повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63988917
ISBN 9785005325402

Аннотация

Простым языком о наболевшем. Эта книга пригласит вас в тёплые воспоминания детства и увлечёт неподдельной искренностью с первых страниц. А также раскроет секрет, как выбираться из круговорота трудностей, когда на это не хватает сил.

Содержание

Пролог 7
I. Кто «мы»? 10
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Бессмертие, которому не помешает даже утконос
Моя повесть

Люси Штоллер

© Люси Штоллер, 2021

ISBN 978-5-0053-2540-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С благодарностью к героям истории. Они научили меня ценить мгновения. С любовью к родному дому. Он всегда согревал теплом. С надеждой в будущее. Пусть оно будет светлым.

Пролог

Эта памятная книга родилась спонтанно. Тихим зимним вечером, когда рабочий день остался позади, а в руках оказался красочный блокнот, в дверь громко постучали. На пороге стояла давняя подруга – мечта. Она смотрела пристально, с широкою улыбкой, будто понимала, что внезапным визитом перечеркнула годы нерешительности и болтовни, и готова произвести переворот в прибранном, но пустом доме.

– Привет, от фанфикшена ещё не мутит? – спросила она, уверенно бросив на пол большую, набитую чем-то тяжёлым, сумку.

– Н-нет, – в замешательстве ответили мы.

– Оно и видно, три года историю не можешь закончить.

– Угу… – смущённо кивнули.

– Угу, – передразнила она.

– А по какому, собственно, случаю? – захотелось притворно возмутиться.

– А что? Пропылесосить не успела?

– Да вроде успела… но… без приглашения так-то.

– Я в листе до-олгого ожидания с восемьдесят девятого, нас около полусотни, нескучных подружек, засиделись, – она беспрепятственно прошла в дом, не дожидаясь активного жеста.

– Да вот… не планировала… – почесали мы затылок.

– Тащи сюда.

– А что там?

– Воспоминания, – ответила она и с довольной ухмылкой плюхнулась на диван.

Полная сумка воспоминаний разных лет ждала нас в гостиной. Первые дни жизни, первые шаги, первые достижения и неудачи. Они внимательно смотрели, с теплом, просились в работу.

Одно воспоминание трещало в ухо голосом беленького попугайчика Морриса. Другое – громыхало душным поездом по дорогам Украины. А здесь мы записываемся в музыкальную школу, страшно переживаем, и с заметным трепетом отправляемся на вступительные экзамены.

Комната наполнялась историями, нерассказанными, важными, теми событиями, которые определяли нашу жизнь.

Мы просидели до утра, разговаривали, перебирали воспоминания как фотографии, радостно смеялись. Между делом и взгрустнулось, скорей всего от понимания, что в памяти стирается отдел с такими мелочами, как детство, и заменяется суетой гонки на выживание.

– Ну что? – спросила мечта на рассвете. – Я остаюсь?

– Оставайся, чаю попьём, – уверенно кивнули мы.

– Будем писать?

– Будем!

I. Кто «мы»?

Откуда здесь «утконос», резонно спросите вы. Мы тоже задавались этим вопросом, когда настал момент размышлений о названии. Любопытные проносились времена, да. Изобретательные. Случалось у вас такое: сидишь-сидишь, отстранённо шуршишь обёрткой конфеты, барабанишь пальцами по столу, машинально проверяешь ленту, и вроде ни о чём не думаешь, и тут бац! Случалось?

Идея падает прямо на макушку, как огрызок яблока, выброшенный маленькой девочкой из окна соседской квартиры. Да-да, мы любили проказничать. Ты стоишь, не продумываешь бросок, не целишься в определённого мужчину, с одним лишь желанием развлечься в скучной компании взрослых, и хлоп, огрызок попадает точно в голову.

Идеи не планируют наперёд, дать подзатыльника сейчас или отложить визит на понедельник первого числа второго месяца. Они щёлкают по ушам внезапно, врываются, как родители в комнату подростка, без предупреждения. Застают врасплох и улетают дальше, зачастую бесследно. Вот так мы получили название книги, буквально схватили его за хвост, ускользающее, даже не заметив странного персонажа в конце.

А кто «мы» -то, снова появляется вопрос. Мы – это автор и рой разрозненных идей, которые толпятся в тесной че-

репушке. Привет, друзья. Не зря тут вспомнилось детство, с шалостями и яблочными приключениями. Детство – это сила, мастер, который лепит из нас скульптуру. Каким получится изваяние, крепким или хрупким, с щербинками, сколами, или гладкое, как браслет из слоновой кости, не знает никто. Если сосуд наполнен светом, смехом и объятиями, то для волнений нет причины.

Вот, например: у Рэя Брэдбери тепло летнего дня легко прочувствовать не закрывая глаз, не заставляя себя возвращаться воспоминаниями в прошлое. Оно горит в глазах героя, в его движениях, словах. Волшебный мир открывается через буквы и предложения. Это магия. Читатель не уйдёт неизменённым человеком, взяв в руки книгу. Мы убеждены в этом. Мы и есть этот герой: несущийся стремглав по улицам города, лазающий по заборам, читающий книги запоем, раздающий имена майским жукам.

Слова, как горошинки, ударяются в скульптуру, формируют её, правят, лепят булочку из теста. Мы прыгаем через траншеи, скупаем коллекцию наклеек по баскетболу, подрезаем усы коту, пробираемся в закрытую зону военного аэродрома, чтобы полежать на лужайке, и всем этим собираем внутри себя стержень. Даже не стержень, а ядро. Маленький поначалу шарик, который разрастается как снежный ком. Мы бежим, он крутится. На первых порах шарик похож на желе. Он болтается туда-сюда, трясётся, растягивается, разрывается на части, а затем склеивается заново, ме-

няет цвет и крепчает.

Сегодня мы лазали через теплотрассу, свалились и сломали руку – шарик крутанулся и чуть треснул, а мы побежали дальше. Через день на наших глазах машина сбила кошку, а позже мы узнали, что прошли в финал престижного конкурса. Рыдания сменились потоком восторга.

Ещё вчера казалось, что разорвать помолвку с нелюбимым человеком невозможно, а сегодня мы стоим в предполётной зоне аэропорта, уверенно сжимаем в руке посадочный талон и готовимся на полгода раствориться в творчестве и скандинавских пейзажах.

Сколько раз нам представлялось, что через минуту случится катастрофа, что поезд тронется и папа останется на перроне, что брат закроет нас в кладовке без света, а мама приготовит на завтрак тыквенную кашу. Монстры окружали плотнее, пробирались под свитер и заставляли трепетать от страха. Думаем, никто не удивится такому сравнению, что страх порой делает из нас рыбёшек, неспособных говорить, разумно мыслить и совершать поступки.

А что происходит, когда поезд всё-таки трогается? Мы оглядываемся и видим лицо папы, он улыбается и держит в руках пять порций шоколадного мороженого. Кажется, что тёмный чулан затянет в кроличью нору, но закрыв глаза, мы не оказываемся по ту сторону космоса, не выпадаем из атмосферы, а скорее наоборот – ощущаем себя героем, Гарри Поттером, не меньше, и активно продумываем реванш.

По секрету, даже от тыквенной каши можно спастись, потихоньку выбросив её в окно или подбросив мопсу.

С папой. 1993 год

Кто же мы? Герои-трусишки? Парадокс, который добавляет загадочности в противоречивую натуру человека. Глаза боятся, а руки делают – мудрая пословица подсказывает, что первый шаг всегда труден, но руки всё равно его делают. Руки не ждут начала нового века или стороннего одобрения. Они неуловимо перебирают пальцами, берутся за инструмент, и ты не замечаешь, как стоишь перед университетским оркестром, сжимая дирижёрскую палочку. Тридцать человек готовы ловить каждое твоё движение.

Как абсурдно звучала фраза, если бы страх обладал настоящей силой. Глаза боятся, а руки ватные; глаза боятся, а руки в карманы спрятались. Шпаргалка поколений помогает получить ответ, то самое одобрение, а точнее, заверение, что боязнь – это такая же часть меня, как и делание.

Мы стоим за дверью собственной жизни и держим её. Туда летят не только лучи солнечного света и ароматы какао с ванилью. Иногда для солнечного света не находится и маленькой щели, чтобы проникнуть между слоями правил, грубых слов, чужих мнений. Мы призываем на помощь детство, изо всех сил пытаемся удержать разваливающееся строение, но дверь трещит.

Постепенно борьба затихает и ядро, превратившееся за это время в колючего ежа или пожёванную жвачку, покрывается серой пылью. Скульптуру задвигают в угол провин-

циального музея, где никогда не бывает освещения. За ней не ухаживают, экскурсии скучающих посетителей проходят мимо. Остаётся только ворочать глазами, смотреть на свои отрубленные руки и привыкать.

Мы хмуримся, дёргаем за нити воспоминаний, стучим по ядру железной лопатой, но в ответ получаем неясный шелест. Словно музыкальная пластинка, которая закончила вальсировать, гоняет по кругу поскрипывая.

Теперь нам остро хочется каши, и обязательно тыквенной, и варёной свёклы, которую мы всё детство отставляли подальше. Томатный сок мерещился вчера во сне, и мы не вспоминаем, что на днях не могли вынести даже запаха этого красного пюре. Мы горячо полюбили сон, особенно дневной. Нам не понять, как совсем недавно кидались смотреть «Утиные истории», брыкаясь, плача и вопя о нежелании тратить драгоценные минуты на бестолковое занятие – отдых.

Шаг за шагом окружающая среда становится монохромной. Минуту назад любимый магазин цветов, тот, что в центре города на остановке, пестрил живыми оттенками роз и тюльпанов, мы моргнули и видим только немытые витрины и разбитую лампочку у входа. Мы меняемся не в лучшую сторону. И даже если лучшей стороны нет, и ярлыки навешаны лишь книжниками, то место, где мы находимся сейчас – выглядит неважно. Сырники подгорают, машина уходит в снежный занос, родители стареют, брат не звонит, дру-

зья гибнут, карусель не останавливается.

– Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети!

LE CYGNE

Extrait du *CARNAVAL DES ANIMAUX*

Mélodie pour VIOLONCELLE et PIANO

Transcription
pour VIOLON ou FLÛTE

C. SAINT-SAËNS

VIOLON ou FLÛTE

Adagio

Adagio

PIANO

pp

Tous droits d'exécution réservés.

DURAND & Cie Editeurs, D. et F. 8881 Paris, 4, Place de la Madeleine.

Камиль Сен-Санс. «Лебедь» из сюиты «Карнавал живот-

ных»

Всё, что нам удаётся сохранить – это умение очистить варёное яйцо с помощью ложки. В далёкие дни, при динозаврах, отец обучал птенчика нехитрым армейским навыкам. В то время внутреннее ядро только-только пошло в рост. Мы помним, как мама намыливала волосы и приговаривала «ты ж моя Нефертити», а затем лепила из мыльной пены причёску, похожую на головной убор древнеегипетской царицы. Это веселило, страх захлебнуться водой смеялся вместе с нами, и мы прекращали орать.

А по утрам в квартире звучала музыка, подобранная тонким маминым вкусом. «Летучая мышь» Штрауса, «Руслан и Людмила» Глинки, Сен-Санс, Рахманинов. Мама, как фея, снабжала растущее ядро мягкой пыльцой, строго следила за качеством пыльцы, очень строго, не пропускала мусора и непрошеных гостей. Прошло тридцать лет, и она до сих пор следит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.